
ПИСЬМА ЛЕОНИДА ГРИГОРЬЯНА

Леонид Григорьян (1929–2010) – поэт и переводчик армянской поэзии и французской прозы. Он родился в Ростове-на-Дону и прожил в этом городе всю жизнь. Более того, практически всю жизнь с раннего детства прожил в одном доме. Вот уже несколько лет у его подъезда висит памятная доска. Во время войны Ростов был оккупирован, причём дважды. Первая оккупация в ноябре 41-го продлилась восемь дней, второй раз город пробыл под фашистами семь месяцев, с июля 42-го по февраль 43-го. Семье Григорьянов – родители и три сына – не удалось эвакуироваться. Тяжкое по любым меркам испытание наложило на будущего поэта дополнительный след на всю жизнь. Он, подросток, подрался с немецким солдатом, тоже, в сущности, мальчишкой лет двадцати; тот спустил его с лестницы. С годами у Л. Г. развился недуг, поначалу почти незаметный. Не знаю и никогда не спрашивал, в чём его суть и как болезнь именуется. Внешне она выражалась в нарушенной координации движений; Л. Г. с трудом ходил и с трудом писал от руки. Году в 1980-м знаменитый нейрохирург Эдуард Кандель сделал ему в Москве долгую операцию, связанную с трепанацией черепа. Операция значительно и надолго ему помогла. Фазиль Искандер как-то пошутил: ты, Лёня, единственный поэт, которому пошло на пользу вмешательство в его мозги...

Далее приведу несколько строк из автобиографической заметки Л. Г.: «...окончил романо-германское отделение Ростовского государственного университета, по воле случая стал преподавать латынь в Ростовском мединституте. Полагал, что временно, а проработал там почитай всю жизнь, о чём, впрочем, нисколько не жалею – профессия моя оказалась максимально удалённой от тошнотворной государственной идеологии, так что в этом смысле мне явно повезло. (Я и вообще-то человек везучий)»¹.

Между прочим, Л. Г. и в письмах ко мне не раз отмечал свою везучесть; я, признаться, необыкновенного фарта в его трудах и днях не усматривал, но тут ведь главней всего самоощущение. Многократно повторённые слова про то, как ему везёт, аукаются с его скромностью, с уничижительной его манерой говорить о себе, своих стихах и книгах. Да какой я поэт, помилуйте! «Стихи мои – более или менее квалифицированный дилетантизм»². А раз так, то моё занятие «стихослагательство», а сам я... Л.Г. аттестует себя в стихах вскользь и безо всякого респекта: «Чудак, рифмоплёт, неврас-

¹ Л. Григорьян. Вниз по реке. Стихи. М., 1998, с. 5.

² Там же, с. 6.

теник». И снова: «Вчерашний фрондёр, рифмоплёт и любовник». И сызно-ва: «Вертопрах, массовик-пустоболт». И даже: «Зажившийся стихоплёт». И далее в том же духе. В общем, о пиитических своих занятиях он отзывается пренебрежительно — рифмачество, пустая болтовня. Многожды повторив уничижительные словечки, подбивает итоги: «Не выходит — пиши не пиши». Когда же критики высоко ценят его творчество, понимающе подмигивает: это же, мол, дружество, кумовство, доброе расположение.

Думаете, так он только про свою поэзию? Переведя несколько томов первоклассной французской прозы³, на каждом шагу повторял: «Да я ведь и языка-то не знаю...» Приведу с его слов историю первой переводческой публикации Л. Г. Будучи в Москве, зашёл в отдел поэзии «Нового мира», где недавно (1966, № 7) напечатался. Против отдела поэзии дверь в дверь обретался отдел зарубежной литературы. Ведавшая им сотрудница заглянула на огонёк. Зашёл разговор о Камю и о том, как здорово было бы поместить ещё не переведённое на русский «Падение». Л. Г. возьми и скажи, мол, несколько лет назад он эту повесть переложил для себя. «Правда? Пришлите, мы посмотрим». Посмотрели и без колебаний поставили в один из ближайших номеров.

Так же и про свою кормилицу-латынь: какой я латинист! Учиться не учился, самозванец. А ведь освоил профессию дай Бог каждому, за долгие десятилетия, сколько знаю, при дружной любви студентов нарекания ректората-парткома вызывало разве что политическое вольнодумство скромняги-преподавателя, которым тот отнюдь не бравировал, но которое нельзя было скрыть. И, кстати, преподавание мёртвого языка Л. Г. искренне любил и сверх того ценил — оно позволяло ему не считаться с литературными начальниками, которые терпеть его не могли.

Л. Г. поздно начал печататься. При этом его стихи впервые появились не в местных газетах и не в журнале «Дон», а, повторюсь, в «Новом мире» — лучшем издании тех лет, которое редактировал Александр Твардовский⁴. Григорьяну стукнуло тогда тридцать шесть лет. С тех пор его имя не часто, но регулярно фигурировало в московских и ленинградских

³ В первую очередь назову повесть, ряд пьес и эссе А. Камю, тетралогии «Дороги свободы» и рассказы Ж. П. Сартра (Сартра он переводил совместно с Дианой Вальяно), роман Г. Шевалье «Клошмерль», криминальный роман Н. Калефа «Лифт на эшафот» (к слову сказать, по мотивам этого романа Ст. Говорухин снял фильм «Week end»). Некоторые произведения Сартра и Камю и роман Калефа собраны в книге: **Л. Григорьян**. Переволпления. Избранные переводы с французского. Ростов-на-Дону, 2010.

⁴ «Он сам рассказывал о том, что публикация состоялась почти случайно: послал свои стихи другу, отдыхавшему в Крыму, а друг показал стихи Евгению Евтушенко, который отнёс их Твардовскому. С журналом сотрудничество шло ещё долгие годы, а вот Евтушенко позже забыл включить ростовского поэта в свою антологию «Стихи века», в которой место нашлось и для менее достойных» // **В. Козлов**. Золотой двадцатый век Леонида Григорьяна // «Prosodia», 2015, № 3 // <http://magazines.russ.ru/prosodia/2015/3/zolotoj-dvadcatyj-vek-leonida-grigoryana.html>. (Полагаю, что другом был Виталий Сёмин, а дело происходило в Коктебеле, в писательском Доме творчества. — **Г. К.**)

журналах, там же печатались и рецензии на его редкие книжки⁵. (Из широко известных критиков, рецензировавших его книги, назову Л. Аннинского, А. Урбана, И. Дедкова, Т. Бек, А. Агеева). Поэзии Григорьяна присуща строгая философская мысль, полная раскованность интонаций и неподдельная – поди её подделай! – культура стиха. Он умел так осветить «вечную тему» – любовь, или природу, или, допустим, историю, – что стихотворение приобретало злободневное звучание.

*Быть может, это тяжкий крест:
Услышать корни и зачатки,
Не отпечатав на сетчатке
Привычных лиц, обычных мест.*

*Казалось, толку-то впотьмах,
Когда горят огни в домах
И хлещет музыка шальная,
Бесполоя и полостная.*

*Но Время должно разгадать
Не по гримасам и прикрасам.
И с Веком можно совпадать,
Не совпадая с каждым часом.*

Недаром его высоко ценили самые разные прозаики и поэты. О довольно близком знакомстве с Юрием Домбровским, романы которого «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» принадлежат к лучшей русской прозе советской эпохи, Л. Г. рассказал сам (в «Литературной Армении», 1989, № 3). На форзацах одной из книг Л. Г. помещены фотографии дарственных надписей, которые делали ему Д. Самойлов и И. Лиснянская, К. Кулиев и Т. Бек, И. Дедков и Ф. Искандер. Приведу для примера несколько из них. Олег Чухонцев: «Собрату по перу Леониду Григорьяну с давней любовью»; Александр Кушнер: «Леониду Григорьяну с уважением и интересом к его поэтической работе»; Борис Чичибабин: «Лёне Григорьяну – врачу в поэзии с чувством духовного родства». А вот зачин и финал из стихотворения Юнны Мориц, напечатанного в её «Избранном» (М., 1982); начинаются стихи шутливо, но завершаются всерьёз:

*В Ростове, где юмор так свеж и румян
Живёт трубадур Леонид Григорьян.
Он утром студентам читает латынь –*

⁵ Перечислю его сборники советских лет; все, кроме «Вечернего чуда», тоненькие: «Перо» (предисловие Н. Скрёбова). Ростов, 1968; «Друг» (предисловие Л. Озерова). М., 1973; «Дневник». Ростов, 1975 (из уничтоженного тиража сохранилось несколько десятков экземпляров, которые автор успел раздарить друзьям и коллегам); «Пенаты». Ростов, 1978; «Вечернее чудо» (предисловие С. Чупринина), Ер., 1988.

*Язык медицины и римских твердынь,
Поэмы, комедии, драмы, стихов,
А также схоластики средних веков.
Потом он съедает в буфете обед –
Салат из капусты и пару котлет,
И кофе с цикорием пьёт не спеша,
Прокуренной грудью со свистом дыша, –
Как будто свисток проглотил латинист,
Чтоб юных студенток смешил этот свист
<...>*

*А что там на разные свищит лады
В груди дымовой, наподобье трубы?
А каждая птица там свищит своё,
На струнах бренчит, серенады поёт,
И в шляпе крылатой, крылатом плаще,
В крылатом снегу, на крылатом дожде,
В крылатой ночи на крылатом ветру,
В крылатых дворах на крылатом свету –
В крылатом пятне под крылатом окном, –
Крылатые сны разгоняя крылом,
Клянётся – душою на синих крылах! –
В крылатой любви на крылатых словах!*

Дмитрий Быков написал о Л. Г. для вечера, посвящённого памяти поэта: «Григорьян выполнял в Ростове примерно ту же функцию, что Чичибабин в Харькове – был главным (и притом подпольным⁶) поэтом, центром притяжения для всех интеллектуалов, образцом для умной молодёжи и вдобавок, в отличие от моногамного Чичибабина⁷, любимцем самых недоступных и блестящих красавиц. Как это сочеталось с его физическими хворями – понять невозможно, но тут был какой-то чистый триумф духа, изумительная способность воспарять вопреки всему.

Стихи его мне представляются далеко не столь праздничными, как можно было бы ожидать от личности столь харизматичной и жизнерадостной. Это трагическая лирика в лучших семидесятнических традициях – насколько я знаю творчество Григорьяна, лучшее своё он написал после сорока, – и она вбирает в себя не только личный опыт городского одиночки, романтического скептика, но и долговременное, весьма плодотворное

⁶ Это не совсем так, а вернее, совсем не так (Г. К.).

⁷ **Борис Чичибабин** (1923–1994) – поэт, в 1942–1945 г. служил в Степанакерте, про что вспомнил в «Думе о Карабахе», где среди прочего сказано: «Я там жил наяву, / как же мне согласиться с Москвою, / что земля эта – Азербайджан?». После войны был репрессирован, провёл пять лет в тюрьмах и лагерях. В конце 50–60-х гг. издал несколько книг, вступил в Союз писателей, из которого вскоре был исключён, около двух десятилетий не печатался. С началом Карабахского движения написал цикл, состоящий из четырёх «псалмов об Армении». Получил широкую известность, был удостоен Государственной премии СССР. Одно время состоял в интенсивной переписке с Л. Г., который посвятил ему стихи.

влияние французских авторов, которых Григорьян переводил виртуозно.

Прежде всего это Камю – Григорьян не то чтобы у него учился, но опирался, безусловно, на его опыт самодостаточности, на его традицию непрерывного и жесткого самовоспитания. Отсюда и отсутствие иллюзий – социальных, гуманистических, каких угодно, – и дисциплина, и полная свобода от мании величия, которой почти никто из больших поэтов не избежал.

Для меня Григорьян в одном ряду с Чухонцевым – только он как-то по-человечески теплей»⁸.

А в родном городе, кроме узкой группы собратьев по перу, поэта в упор не видели. Когда, попытавшись вступить в Союз писателей, он предъявил рекомендации Арсения Тарковского, Давида Самойлова и Фазиля Искандера, ему показали от ворот поворот. А в 1975-м и вовсе разразился скандал – власти с подачи местного писательского руководства изъяли из продажи и уничтожили тираж сборника «Дневник», хотя на эту книгу в Москве и Ленинграде уже появились рецензии...

В первой книге Григорьяна напечатано стихотворение о «родине предков»:

*В Армении я не был никогда,
Не видел на тропе отар овечьих,
Гремучий кипяток армянской речи
Не обжигал отрекшегося рта.*

*Мой прадед в этом городе осел,
Перебродив, как варево хмельное,
Обкатывался, старился, русел
И потихоньку становился мною <...>*

*Но отчего к моим ушам, вискам,
Вдруг подступает этот странный ропот
И горных рек дикарские синкопы,
И дальних гор пронзительный чекан?*

*И кто мне растолкует, почему
Приросшее к степной земле становье
Мне кажется придуманным присловьем
К селенью ноздреватому тому?*

*И выжженный библейский материк
Овладевает, кличет, плодоносит...
И руки загорелые подносит
К моим губам воскресшая майрик.*

⁸ <https://rostov-80-90.livejournal.com/486869.html>

Эту беду он исправил в 1970 году. Тогда же «Литературная Армения» напечатала большой цикл его стихов. С тех пор Л. Г. – постоянный автор журнала. Здесь, а потом и во многих других журналах публиковались его многочисленные переводы наших поэтов. Он не знал армянского языка, но любовно перекладывал многих. Особенно часто и удачно Размика Давояна⁹ и Геворга Эмина. Не забывал Л. Г. и франкоязычных соотечественников – поэтов Армана Любена и Ваге Годеля. Перевёл он также романы Ваге Кача «Человек упал на улице» и «Кинжал в саду», посвящённый геноциду армян.

Добавлю, что в разное время Л. Г. напечатал несколько стихотворений («Аштарак», «Читая Нарекаци», «Гехард» и др.), о которых стоило бы поговорить особо.

В Ростове Леонид Григорьян был фигурой, как теперь изъясняются, знаковой. Человек яркий, колоритный, он воплотил в себе такие полузабытые традиции русской интеллигенции, как независимость и вольномыслие, и был «одним из важнейших персонажей ростовской неофициальной культуры 1950–1980-х годов»¹⁰.

Его богатство, подлинное богатство составляли тысячи книг. Одна комната стандартной трёхкомнатной квартиры полностью была заставлена ими, в двух других и прихожей тоже стояли книжные шкафы и стеллажи. Мало кто знал литературу так, как он. И мало кто вёл себя так свободно, не пряча своих вкусов и предпочтений. Прошло всего несколько дней после смерти Л. Г., и в интернете стали появляться воспоминания о нём. В одном его назвали «главным ростовским вольнодумцем»¹¹. В другом читаем: «Эта феноменальная личность стала подлинным духовным лидером в интеллектуальной среде Ростова-на-Дону»¹². Третий писал: «Самиздатовские, забугорные Мандельштам и Ходасевич, Солженицын и Набоков, раритеты серебряного века – через вторые и третьи руки попадали к нам из неиссякаемого источника по имени Леонид Григорьян, и его заочное влияние, излучение культурной ауры действовало неизмеримо мощнее, чем стандартные безжизненные прописи филфаковских преподавателей»¹³.

И напоследок о публикуемых здесь письмах. Я познакомился с Л. Г. в феврале 1968-го – на последние студенческие каникулы приехал в Москву и обходил журнальные редакции, где меня напечатали либо думали, печатать или нет. Дважды столкнулся с незнакомцем, которого тотчас узнал по

⁹ Л. Г. перевёл не только стихотворения Давояна, но и поэмы. Одну из них издали отдельной книгой: **Р. Давоян**. Эпос юности. Поэма. Перевод с армянского Л. Григорьяна и Г. Кубатьяна. Ер., 1982.

¹⁰ <https://rostov-80-90.livejournal.com/260925.html>

¹¹ <https://rostov-80-90.livejournal.com/66200.html>

¹² https://45parallel.net/leonid_grigoryan/

¹³ **О. Лукьянченко**. «Я увидел, что жизнь удалась...» // **Л. Григорьян**. Лягу в два, а встану в три. Стихи разных лет. Ростов-на-Дону: «Старые русские», 2009, с. 3.

фотографии в «Литературной России». Как выяснилось чуть позже, незнакомец в свой черёд опознал меня по фото в «Юности» – армянская фамилия привлекла. Спустя час или полтора мы столкнулись в третий раз, уже в книжном магазине. Разговорились, обменялись адресами. Завязалась переписка, потом и дружба, продлившаяся ни много ни мало сорок два года. В декабре 69-го, демобилизовавшись, я заехал к нему в Ростов, месяца через два он воспользовался приглашением из редакции «Литературной Армении» и прилетел в Ереван. И был изумлён. «Я не поверил Битову, – сказал Л. Г., – а ведь он прав». В «Уроках Армении» писатель, не выпячивая довольно скользкую тему, последовательно фиксировал, что количество здешних отличий от России перетекает в качество. Л. Г. выразился без околичностей. «Это же совсем другая страна, – присвистнул Лёня, и я запомнил его фразу дословно, – какой-то Парагвай-Уругвай...»

Подружились мы сразу. Несмотря на значительную разницу в возрасте, в образованности, начитанности, глубине и чёткости воззрений и кругозора. Мне трудно даже предположить, что я дал ему, зато получил взамен неизмеримо много. Без его писем, без телефонных разговоров, регулярных когда-то встреч я был бы другим человеком и другим литератором.

Л. Г. отправил мне множество писем. Он любил их писать; я был далеко не единственным его корреспондентом¹⁴. Увы, даже не пытался разложить их в хронологическом порядке. Вдобавок есть у меня дурная привычка – не храню конверты, в итоге многие письма при многочисленных переездах исчезли, стёрлись. Я взял почти наугад две дюжины писем. Первые среди них представляют начальную пору нашей переписки, далее – 90-е годы и в заключение – новое тысячелетие.

Леонид Григорьян умер 30 августа. В этот день в интернете выложили сентябрьский номер «Знамени» с моей пространной – около половины авторского листа – рецензией на новую книгу его стихов «Лягу в два, а встану в три...». Позволю себе привести из неё несколько характеристик.

«...Книга приурочена к 80-летию Леонида Григорьяна. Название кажется спервоначала неуклюжим и нелепым, однако, мало-помалу раскрываясь, обретает ореол символики. Сколько ни проживи, прожитого все равно мало, как мало для нас одного часа на сон. Это во-первых. А во-вторых – ох и жаль изводить время во сне, ты ведь ещё не насытился земной сладостью, не распознал подспудный смысл экзистенции ли (в философском аспекте), бытия ли (в гражданском его разрезе), да хоть и заурядного будничного существования:

¹⁴ В Ростовском областном архиве хранятся, в частности, письма к Л. Г. Евгения Евтушенко, Александра Кушнера, Семёна Липкина, Инны Лиснянской, Юнны Мориц (несколько десятков), Льва Озерова, Булата Окуджавы (не менее полудюжины), Давида Самойлова, Бориса Слуцкого, Олега Чухонцева и др.

*Жить! Начиная с нулевой отметки.
Жить на свету! Без грима и подсветки.
Не по одежке и не по уму —
Равновелико сердцу своему. <...>*

<...> Ненавистник элитарности, <...> поэт не без патетики возгласил: “Привычный мир, войди в мои стихи!”. Патетика не царапает ухо, потому что декларация не повисла в воздухе. Весь антураж у Леонида Григорьяна неизменно пронизан и впоён обыденностью. Пускает он её к себе в охотку, вовсе не через силу, дескать, иначе никак; юродства тут ни на гран. Его, “записного книгодея”, ни чуточки не смущают и не выводят из равновесия “картины привычной рутины – / в каждодневных мороках мирок”. Однако в будничных этих мороках есть укромный нюанс. Его подметил Виталий Сёмин, замечательный прозаик и ближайший из друзей Григорьяна; вот его рабочая запись: “Для нас жизнь в будничной неразличимости. Для него вся в ярких напряжённых сюжетах. В этом разница между всеми и Лёкой. В этом его притягательность. Наполнение жизнью – это все чувствуют”¹⁵ <...> Григорьяна всегда мучило, кто он. С одной стороны, “внесистемная единица”, “бирюк в берлоге”, живущий наособицу “латинист и стихоплёт”, анахорет и даже – предел обособленности – “доброволец-столпник”. А с другой, такой же, как все, человек толпы (по слову Эдгара По), “дитя помоек, выползок лачуг”; там, где он обретается, “жизнь кровоточит неистребимо” <...> Двудеиная, по-учёному говоря, самоидентификация – столпник и человек толпы – сказывается у Григорьяна и в языке. Преобладает, естественно, безукоризненная литературная речь, которая, однако, густо сдобрена пряностями самого разного толка. Приглядевшись – это не бросается в глаза, – с удивлением обнаружишь, как обширен его словарь. Скажу больше, по словарному богатству с Григорьяном из нынешних поэтов мало кто потягается. Не выставленное напоказ, оно складывается из множества, на любой вкус, языковых специй и приправ <...> Важно вот что. Разнородные словесные пласты налицо, зато словесной чересполосицы нет как нет, искусственности – соединено несоединимое – не чувствуется. Словарь оставляет ощущение полной естественности, стихийности. Поэт черпает из многих источников, и всякий среди них ему люб. Языковое богатство складывалось – и сложилось – исподволь и напитало подкорку, как влага землю».

Л. Г. знал, что статья готовится к печати, но был уже не в том состоянии, чтоб обременять его просьбами почитать или послушать. Позже до меня дошёл отзыв одного из ростовчан: Лёня всегда мечтал о таком разборе своих стихов, обстоятельном, серьёзном и без игры в поддавки. Со мной он такого рода мечтами не делился. Тешу себя надеждой, что мне и

¹⁵ «Знамя», 2009, № 3.

впрямь удалось хоть как-то выразить свои к нему чувства.

Публикуемые письма в ряде случаев, помимо подстрочных примечаний, сопровождаются дополнениями. При публикации сохранены некоторые особенности орфографии автора. Список принятых сокращений: *Л. Г.* – Леонид Григорьян, *«Вопли»* – «Вопросы литературы». *«ДН»* – «Дружба народов», *изд., изд-во* – издательство, *«ЛГ»* – «Литературная газета», *лит.* – литературный, *«ЛО»* – «Литературное обозрение», *«МН»* – «Московские новости», *«НМ»* – «Новый мир», *ред.* – редакция, *редакционный, соц.* – социалистический, *СП* – Союз писателей.

Георгий КУБАТЬЯН

1

Дорогой Жора! Просто ошарашен новым поворотом Вашей биографии¹⁶ <...> Из событий литературной жизни нашего города не могу не упомянуть приезда [Василия] Аксёнова и [Булата] Окуджавы, с которыми я был знаком и раньше. Приехали они по приглашению <...> ростовского мединститута на празднование юбилея комсомола. Ни союз писателей, ни прочие высокие организации об этом ничего не знали, а когда узнали, то ничему уже не могли помешать. На встрече со студентами, при полутысячной аудитории, гости наговорили столько и такого, что весь город уже две недели ходуном ходит. Как-нибудь при встрече я расскажу Вам об этом подробнее, впрочем, не исключено, что Вы об этом прочтёте сами, хотя хочется надеяться, что до этого дело не дойдёт.

...Р. С. Прозу я перевожу французскую. Лет десять тому назад с приятелем моим, уроженцем Парижа, перевёл остроумнейший сатирический роман Габриеля Шевалье «Клошмерль» (помните, был такой фильм «Скандал в Клошмерле»?). Перевод наш в позапрошлом году стоял в ред. плане изд. «Прогресс», но в последнюю минуту, буквально за день до заключения договора был кем-то оттуда изъят. И, видимо, навечно¹⁷. Но мы не очень-то сокрушались, потому что переводили для собственного удовольствия, ни на что не рассчитывая. Из прочих переводов упомяну ещё роман Камю «Падение», который собираюсь куда-нибудь послать. Переведён он три года назад, но сейчас к Камю меняется отношение, и можно рискнуть. Кстати, читали ли Вы превосходный роман его в 9-м номере «Иностранной литературы»¹⁸?

Без даты, начало ноября 1968

¹⁶ Я сообщил в письме, что меня призывают в армию, и ждал со дня на день отправки к месту службы, которое не было известно.

¹⁷ Роман Г. Шевалье «Клошмерль» в переводе О. Тарасенкова и Л. Григорьяна увидел свет в московском издательстве «Художественная литература» в 1988 г.

¹⁸ «Посторонний» в переводе Н. Галь.

...Рад, что Вы наконец отыскались. Я уж боялся, что Вас упрятали в такую тьмутаракань, откуда и письма-то написать невозможно¹⁹ <...> Что касается меня, то мне продолжает почти неприлично везти. На днях получил вёрстку из «Звезды» – 8 стихотворений во 2-м номере, три стишка были в предпоследней «Лит. России», подборка (неважнецкая) в 12-м [номере] «Дона» и, кажется, что-то в 11-м или 12-м «Нового мира», наконец, в 3 номере того же «Нового мира» должен как будто пойти мой перевод повести Камю «Падение». Из «Лит. Армении» гонорар получен – 35 рублей. По-моему, это очень неплохо. Сборничек мой²⁰ вышел недели три тому назад и был раскуплен (в Ростове) за два-три дня, что, естественно, не прибавило мне друзей среди местных бардов, чьи книжки лежат годами. Разумеется, я не обманываюсь на свой счёт. Добрых знакомых в Ростове у меня великое множество, не говоря уже о тысячах нынешних и бывших студентов, которым, конечно же, любопытно узнать, чем грешит на досуге их педагог. Три ростовские газеты безмолвствуют, хотя, насколько мне известно, в двух из них уже две недели лежат хвалебные рецензии. Никому из редакторов не хочется быть пионером – вдруг другие разругают. Тем более что для основной городской газеты собирался писать, видимо, небезызвестный Вам Ашот Гарнакерыян²¹. Рецензия будет уничтожающей. Мне на это наплевать, но издательство трепещет и, как я выяснил, на всякий случай посылало вёрстку Наровчатову²², смиренно спрашивая его, можно ли подобную книжку печатать... Наровчатов в общем отнёсся к ней доброжелательно и написал, что требования, предъявляемые ко всей советской поэзии в целом, не могут быть предъявлены к каждому стихотворцу в частности и что «фортиссимо» звучит особенно явно рядом с «пьяно» и даже «пьяниссимо». Критические упрёки его (Пастернак и прочее) были по большей части справедливы. На днях я получил коротенькие и добрые письма от [Льва] Озерова и [Александра] Кушнера, которым книжечку свою посылал. Правда, Борис Леонидович упоминается и ими, но уже в совершенно другом тоне. Письмо любимого мной Кушнера меня несказанно обрадовало и несколько утешило в горестных раздумьях над жалким исковерканным сборничком... Дружески жму Вам руку и желаю в новом 69-м всего-всего...

Без даты, конец декабря 1968

¹⁹ Год моей солдатской службы в должности химика-разведчика отдельного взвода химической защиты прошёл в Новограде-Вольнском Житомирской области на Украине. Со временем, устроившись перед отбоем в так называемой Ленинской комнате, я наловчился писать и даже напечатал в «Литературной Армении» и «Дружбе народов» несколько статей.

²⁰ Первая книга Л. Г. «Перо».

²¹ Довольно известный ростовский стихотворец (1907–1977), автор полусотни книг, которого в его окружении величали «крупнейшим поэтом юга России». В годы войны жил в эвакуации в Ереване.

²² Сергей Наровчатов (1919–1981) – поэт и крупный литературный деятель, секретарь Союза писателей Москвы, России и СССР; в 1974–1981 гг. одновременно являлся главным редактором журнала «Новый мир».

Упомянутый в письме Лев Озеров написал предисловие ко второму сборнику Л. Г. «Друг». Прочитую фрагмент из этого предисловия:

«Живопись словом – любимое дело Леонида Григорьяна. Его пристрастный взгляд устремлён в мир, к людям, в современность. И в то же время он, как и полагается лирику, сосредоточен на своём духовном мире. “Свою тоску, свою беду чужой рукой не отведу”. Зато он стремится своей рукой, своей слезой, своей строкой отвести чужую беду. Это желание додумать, дочувствовать за своего современника отличает лирику Леонида Григорьяна. Она прежде всего внимательна. И в ней же зреют эпические мотивы, возвращающие поэзии масштабность. “И можно с веком совпадать, не совпадая с каждым часом”. Важно это главное, существенное, решающее совпадение личности и эпохи.

Стремление сказать своё слово, а не заёмное, сказать своё и по-своему – забота каждого поэта. “Уже расселись копиисты и ну расписывать холсты” – это сказано не без иронии. Поэт ищет себя в искусстве, и для этого ему нужно многое: широта охвата жизни и глубина проникновения в неё, неопробованная словесная краса и свой угол зрения на вещь, явление, лицо»²³.

3

...Сегодня приехал из Москвы... В «Юности» встретился со [Борисом] Слуцким, который хорошо говорил о моей книжице, которую ему, оказывается, дал прочесть [Евгений] Евтушенко (по словам Слуцкого, Евтушенко тоже отнёсся к ней положительно). Слуцкий даже сказал, что пишет о ней для «Юности». Одним словом, если бы не моё семейное несчастье²⁴, то можно было бы жить да радоваться. Приехав домой, я обнаружил два большущих письма от [Арсения] Тарковского, которому я, набравшись нахальства, недавно тоже послал сборник. Тарковский подошёл к сборнику очень строго и очень доброжелательно, и разносная часть его письма меня несколько не обидела и не огорчила. Всё правильно, многое я чувствовал и сам. Когда-нибудь я покажу Вам эти письма²⁵ – они очень интересны. В Москве, кстати сказать, я познакомился с Дмитрием Голубковым (очаровательным человеком), другом Кушнера Василием Бетаки, [Наумом] Коржавиным, [Юрием] Левитанским, [Владимиром] Соколовым (пренеприятным)²⁶ и ещё кое с кем. Виделся с Булатом [Окуджавой]. Евтушенко сейчас в Переделкине. Белла [Ахмадулина] воспитывает приёмную дочурку двух месяцев от роду. Об основных столичных литературных новостях в письме не расскажешь.

Около 1 февраля 1969

²³ Л. Озеров. О лирике Леонида Григорьяна // Л. Григорьян. Друг. М., «Молодая гвардия», 1973, с. 4-5.

²⁴ Болезнь жены.

²⁵ Письма А. Тарковского к Л. Г. были напечатаны в журнале «Дон», 1991, № 8.

²⁶ Л. Г. очень любил стихи Вл. Соколова, так что впечатление, произведённое на него поэтом в конкретный день и час, не распространяется на творчество поэта.

Дорогой Жора!

Пишу Вам это письмо исключительно для «отведения души». Вчера на сессии нашего славного донского союза писателей обсуждали моё «Перо», и я горько пожалел, что, «земную жизнь пройдя до половины», так или иначе связался с этой мерзкой сворой. В течение четырёх часов меня пинали, топтали, колесовали, четвертовали и т.п. Были и сверххвалебные выступления – почти все они принадлежали просто читателям. Что касается моих собратьев, то они разносили меня с такой ненавистью, как будто во мне таилась основная причина всех их поэтических неудач и обид. Моего главного супостата Ашота Гарнакерьяна на обсуждении не было – он был в отъезде. Но его миссию взял на себя его верный лапорелло – самый скверный стихотворец нашей «донской роты» Леонид Шемшелевич. Не буду излагать детали его получасового разноса – тут было всё: и безыдейность, и индивидуализм, и эпигонство, и безграмотность, и многое другое. И всё это говорилось с такой злобой, с такой яростью, как можно говорить лишь о личном враге. Сугубо критическим было выступление двух доцентов – из университета и пединститута. Один из них, в частности, утверждал, что стихи мои непонятны, не доступны не только рядовому читателю, но и человеку с высшим филологическим образованием. Я настолько разволновался, что не смог выступить – боялся сорваться. И сейчас чувствую себя оплётанным, несмотря на утешения друзей и добрые письма хороших поэтов. Умом понимаю, что на всё это надо наплевать, но душевное равновесие безнадежно утрачено. Откуда такая ненависть? Чего они не могут мне простить? Того, что их не печатают вне Ростова? Того, что их сборники валяются в магазинах годами? Того, что моя скромная книжечка лишена дежурных виршей на определённые темы? Того, что я не ходил к ним на поклон и вообще не поддерживаю с ними никаких отношений? Впрочем, чёрт с ними, перемелется и это...

Без даты, март 1969

5

...Помню, что писал вам в последнем письме о всяческих поношениях. Но были и похвалы. И знаете какие? «В своём стихотворении “Из повести” Леонид Григорьян обличает мещанство... В стихотворении “Простые строки” автор проявляет щедрость: он не сердится на людей, занявших его квартиру после того, как он умер». Фразы эти принадлежат почтенному университетскому доценту. Говорилось всё это вполне серьёзно, без намёка на иронию. И вот – Ваша рецензия. Пойдёт она в «Дружбе народов» или нет – спасибо Вам за неё преогромное. Если не считать того, что она невероятно снисходительна, она написана отлично и в критической своей части очень для меня ценна...

6 апреля 1969

На днях мне доставили письмо от Александра Галича²⁷, где он расхваливает мою книжицу, неизвестно как к нему попавшую. Но, увы, тут же пишет, что стихи мои ему очень понравились ещё в «Дне поэзии», где их никогда не было. Так что письмецо это немногого стоит, но всё же приятно... Обо всех этих суетных незадачах можно было бы и не думать, если б Ашот Гарнакерыян и его приятели не поносили меня повсюду и, в частности, Ростиздате, на который я наивно продолжал рассчитывать.

31.7. 69

...«Падение» не произвело в рост<овских> лит. кругах ни малейшего впечатления²⁸. Во-первых, «Новый мир» тут вообще не читают. А во-вторых, это всего лишь перевод, а таковыми в Ростове никто не занимается, стало быть, я никому дорогу не перебежал. И слава богу. Кстати, в первых числах октября мне обещали добыть 5-й номер, и я с удовольствием презентую его Вам вместе с 7-м «Лит. Армении», где, как Вам, конечно, известно, напечатана Ваша рецензия на книгу Петровых.

Без даты

Дорогой Жора!

Не сокрушайтесь, бога ради, ничего ужасного не произошло²⁹. То есть, конечно, досадно, что деятели из отдела критики так беспардонно кромсали и иначили статью, но ведь Вы были к этому почти готовы – таковы уж редакционные нравы! Я очень рад, что читал первоначальный вариант рецензии – он мне был очень по душе (хотя Вы там и перехлестнули по части похвал). Статья была написана непринуждённо, свободно, с блеском и – напрасно Вы беспокоились – без какого бы то ни было «мэтризма». Вивисекторы из «Дружбы народов» её порядком обеднили и опростили. Но – не сердитесь на меня, – рассуждая эгоистически, я всё же очень доволен. Вы оказали мне большую услугу. Рецензия-то хвалебная, а для людей, от коих зависит моя дальнейшая судьба, этого вполне достаточно. Уже на следующий день после появления номера мне звонили из издательства, поздравляли, восхищались рецензией, расспрашивали о Вас и т.д. И всё же я, конечно, вполне разделяю Ваше огорчение. Рецензия Германа Филиппова в 9-м номере «Звезды» весьма зауядна, но зело хвалебна, и на том спасибо. В общем, свет не без добрых людей. А мне на них всегда везло.

...Судя по некоторым замечаниям в Ваших письмах, Вы порядком

²⁷ А. Галич (1918–1977) – поэт, драматург, знаменитый исполнитель собственных песен.

²⁸ Повесть увидела свет в майском номере «Нового мира».

²⁹ Речь идёт о моей рецензии «Перо и почерк» в журнале «Дружба народов», сильно пострадавшей при редактуре.

отстали от лит. событий. Их великое множество, они в основном тревожные... Читали ли Вы номера газеты «Соц. индустрия» с перепиской рабочего Захарова и Твардовского? Номер «Огонька» с письмом [Михаила] Алексева, [Виталия] Закруткина, [Александра] Прокофьева и других «Новому миру»? Кстати, на днях я получил седьмой номер «НМ», который тут же прочёл от первой до последней строчки. Каждый номер этого года я читаю с таким чувством, как будто он последний. Боюсь, что чувство это не совсем безосновательное³⁰. Печально, что в «Лит. Армении» перемены. Должно быть, не к добру они³¹...

10.9.69

9

Что же там на самом деле в Арцахе? ТВ не работает, но я регулярно слушаю «Радио России» и пролистываю множество газет. Сведения противоречивые, но в основном обнадеживающие. Вчера во второй раз собрался наш отколовшийся СП³², видел там Колю Е. и ещё раз поразился не то его глупости, не то трусости, не то неизжитой партийности, не то поразительно-му равнодушию. «Поздравляю тебя с Шушой!»³³ – сказал я. «А что такое?» – удивился он. Я рассказал. Коля посмотрел на меня пустыми глазами и никак не отреагировал. И это армянин, гордо прокламирующий своё армянство! Тревожит меня, что в последние два дня в местных газетах (и не только в них) появились антиармянские материалы...

Без даты, май 1992

10

Я потрясён гибелью Юры, узнал о ней только из твоего письма, предпоследнюю «ЛГ» не принесли – видимо, некролог был там³⁴. Вспоминая о нём, я подумал о бедном Марике и отметил их внешнее сходство – и та же судьба³⁵. Горько.

³⁰ В последнем абзаце Л. Г. говорит о прямой травле журнала «Новый мир», завершившейся увольнением его редактора Александра Твардовского. Предчувствие Л. Г. оказалось более чем обоснованным.

³¹ Редакцию покинули главный редактор Г. Борян, ответственный секретарь С. Гуллакян, заведующая отделом критики Н. Гончар.

³² Союз писателей России раскололся на ряд организаций. Л. Г. состоял в Союзе российских писателей.

³³ 8-9 мая силы самообороны НКР освободили Шуши.

³⁴ 30 июля покончил самоубийством Юрий Карабчиевский (1938–1992), поэт, прозаик, эссеист, автор «филологического романа» «Воскресение Маяковского», а также повести «Тоска по Армении» и др. Инженер по образованию, Карабчиевский был рабочим по ремонту электронного оборудования, и его неоднократно командировали в Ереван. Здесь они и познакомились с Л. Г. году в 88-м или 89-м; оба были слышаны от меня друг о друге и, встретившись, очень друг другу понравились и подружились.

³⁵ Речь идёт о ростовском искусствоведе Марке Копшицере (1923–1982), друге Л. Г., авторе вышедших в московском издательстве «Искусство» монографий «Валентин Серов» (1967, 1972) и «Савва Мамонтов» (1972). Корней Чуковский писал Копшицере: «купил Вашу книгу, посвящённую Валентину Серову. Прилёг. Решил просмотреть. Читал до утра. Замучили Вы старика. Хочу Вам сказать, что Вы знаете Серовых лучше, чем я, хотя я годы провёл у них

Спасибо за рецензию о Кача³⁶. Неужели ты эту тягомотину осилил? Но, согласен, сцены с султаном, картины убийств и концовка сильны <...> Не спрашиваю о новостях, хотя слежу за ними с нарастающим ужасом.
Без даты (сентябрь 1992)

11

Сегодня с опозданием прочёл в «МН» последнее интервью с Юрой [Карабчиевским] и загрустил. Думаю, что и то, что он в последнее время видел окрест, сыграло свою роль в его прискорбном решении уйти из жизни. Очень хочу прочесть его статью об Армении, о которой ты говорил. Где она будет – в «ЛА»³⁷? Недавно огорчился: три вещицы Сартра, о которых просил меня Чупринин³⁸, вернулись, т. к. «Политиздат» намерен выпустить новый томик Сартра, куда эти рассказы войдут, увы, не в моём переводе. А я бился над ними месяца два! На днях пошлю их Альберту – авось напечатает, выручит, как выручал с «Калигулой» и «Недоразумением»³⁹. Спроси у него, пожалуйста <...> Но неужели журнал всё-таки выживает? «Дон» доживает свои последние дни.

21.09.92

12

...В Ростове недавно был Исаич⁴⁰ с женой, пробиться к нему не удалось, но на двух встречах с ним я был. Аудитория вела себя благоговейно, но несла околёсицу, сам он был выше всех похвал – моложавый, энергичный, несгибаемый. Уверен, что ни одна из сторон его не заполучит (шовинисты – в первую очередь) <...> Удалось ли тебе прочесть пискуновский пашквиль в 6-м № «НМ»⁴¹? Думаю, что ты без труда узнал в «нахичеванском поэте Мурляне» своего покорного слугу. Что ещё? В 4-м № «ДН», по слу-

в Переделкино». Покончил самоубийством. Ростовские литературные нравы характеризует следующая деталь – несмотря на рекомендации К. Чуковского, В. Каверина и С. Зальгина местная писательская организация не приняла Копшицера в СП: «Поскольку он пишет о художниках, то пусть и вступает в Союз художников». На что один из присутствовавших резонно возразил: «А Тургенева с его “Записками охотника” вы бы отправили в Союз охотников?».

³⁶ Речь о появившемся в «Голосе Армении» моём отзыве на опубликованный «Литературной Арменией» роман Ваге Кача «Кинжал в саду» в переводе с французского Л. Г.

³⁷ Эссе «Виза в Армению» появилось в одной из израильских газет и было перепечатано журналом «Ной», а затем газетой «Голос Армении».

³⁸ С. Чупринин – литературный критик, главный редактор журнала «Знамя». Ещё студентом Ростовского университета подружился с Л. Г. и считает себя его учеником.

³⁹ А. Налбандян – поэт, переводчик, главный редактор журнала «Литературная Армения», друг Л. Г. Упомянуты пьесы Камю, впервые напечатанные в переводе Л. Г. в «Литературной Армении».

⁴⁰ А. И. Солженицын. Однажды, в 60-е годы, Л. Г. общался с ним. Будучи в Ростове, где он вырос и окончил университет, Солженицын зашёл познакомиться с прозаиком Виталием Семёным, автором «Нового мира» и ближайшим с юности другом Л. Г., а Семин, если я за давностью лет ничего не путаю, привёл его к Л. Г. Солженицына Л. Г. бесконечно чтит и неизменно, даже в годы гонений на писателя держал на видном месте его фотографию.

⁴¹ Речь о прозаике Валерии Пискунове, некогда близком к Л. Г. Московские журналы стали к тому времени в Ереване практически недоступны, и «пискуновский пашквиль» я так и не прочёл.

хам, какое-то эссе Леоновича⁴² на мой счёт, но до Ростова он так и не дошёл.

19. X. 94

13

Книжонка моя⁴³ как будто неплохо принята, заказаны рецензии в «Знамени» и «Октябре», Леонард⁴⁴ в «ЛЮ», видимо, уже напечатал свои мемории обо мне (воображаю!) и подборку каких-то стихков, но это тоже бесплатно – они сидят на мели. В № 6 были кой-какие записи Виталия [Сёмина], подготовленные Викой⁴⁵...

13.5.96

14

Рискну послать тебе свою последнюю наипаршивую книжицу⁴⁶ почтой – авось дойдёт. Бандероли в Армению не принимают, никто из знакомых в Ереван не едет. Издал я свой «Постскриптум» из чистого разврата. Просто в тот момент деньги жгли карман – получил лимон за латинский справочник. Не суди строго старого тщеславца. Никому из пиитов книжку не подарю (ты не в счёт, ты друг) <...> Что там у тебя, будет ли в «Знамени» твой «Ереванский лит. пейзаж»⁴⁷? (Моего Камю перенесли на 5-й №.) <...> Прочёл в «Звезде» № 9 за прошлый год статью американского слависта Жолковского об Ахматовой. Статья, демифологизирующая А. А. Всё, на что он ссылается (Чуковская, Алигер, Аманда Хейт, Н. Ильина и проч.), мною читано, и всё, увы, правда: и мания грандиоза, и рассчитанная «королевистость», и ревность к великим современникам (Цветаева, Пастернак), и самоупоённость, и работа над своим прижизненным и посмертным имиджем, и эксплуатация окружающих – и всё же, всё же, всё же⁴⁸... «Нет, не так, подлецы, по-другому»⁴⁹. А может, иногда и почти так, но, как говорил Мережковский о Достоевском, «было бы, за что прощать». Да и кто мы такие, чтоб прощать её? После Жолковского продолжил чтение 2-го тома Лидии Корнеевны⁵⁰ – и не с меньшим удовольствием, а с

⁴² В. Леонович (1933–2014), поэт. Случайно познакомившись в Ереване, мы провели с ним целый день. Когда Леонович узнал, что мы с Л. Г. друзья, он заговорил о нём едва ли не взахлёб, хотя никогда с ним не виделся. См. о Леоновиче также в письме 19.

⁴³ Должно быть, сборник стихов «Терпкое благо» (Ростов-на-Дону, 1995).

⁴⁴ Л. Лавлинский (1930–2005) – поэт, критик, в 1977–1997 – главный редактор журнала «Литературное обозрение». Родом из Ростова, давний знакомый Л. Г.

⁴⁵ В. Кононыхина-Сёмина, вдова писателя. Однокурсница Л. Г., написала тёплые воспоминания о нём. Отметила: «Привязанность Виталия к Григорьяну была такой сильной, что вызывала мою ревность. Человек этот очень много дал Виталию в духовном, душевном, в профессиональном смысле» (<https://rostov-80-90.livejournal.com/369916.html>).

⁴⁶ «Постскриптум. Стихи разных лет». Ростов-на-Дону, 1997.

⁴⁷ Речь идёт о моей статье «Ереван: обстоятельство места», напечатанной в журнале «Знамя» (1997, № 3) под рубрикой «Литературный пейзаж».

⁴⁸ Концовка стихотворения А. Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...».

⁴⁹ Искажённая цитата из письма А. Пушкина П. Вяземскому (ноябрь 1825): «Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе».

⁵⁰ Речь о духтомнике Л. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой».

ещё большим. Куда там Эккерману! Кстати, на стр. 383 в сноске «Я приду к тебе чёрной овцою» сказано: «О предполагаемом источнике “Подражания армянскому” см. статью Георгия Кубатьяна “Царственное слово” (“ЛА”, 1989, № 10)». Приятно. Твой Л.

14.4. 97

15

...По-моему, не писал тебе о курьёзном местном событии. Три конкурирующие жуликоватые организации намерены выпустить донской «хуис-ху», шикарный, цветной, на русском и английском. Тщеславный и вороватый губернатор Чуб выделил на это... 80 млн. Исключая обнищавших «деятелей искусства», все (натурально, кроме чиновников) персоналии должны внести за свои автодифирамбы по пол-лимона; желающих оказалось множество: графоманы, фирмачи, банкиры, рэкетеры, может, и киллеры, валютные побл...шки – все хотят стать «иммортелями». Вот уж будет памятник эпохи! Подробности уморительные. Нет на эту свору Булгакова или там Щедрина. А так ничего существенного не происходит, зарплат не платят, пенсий не носят, коммунаки борются за место в городской думе, но никто (кроме них, конечно) голосовать не пойдёт – всем эта комедия осточертела...

8. 5. 97

16

Жора, дорогой!

Ты что ж это, прохвост, никогда не отвечаешь на мои письма (только не делай вид, что ты их не получаешь)? А может, ты смущён необходимостью как-то ответить на мой последний паршивый сборник? Это глупо, я-то и сам прекрасно отдаю себе отчёт в провале, так что ты при желании можешь на этот счёт и промолчать. Кстати сказать, парадокс: в местных газетах (пяти!) появились дифирамбические (и порядком глупые) отклики, а до этого был лишь один – на «Перо». Впрочем, соврал – был один и на «Вечернее чудо»⁵¹. Кто-то (не могу понять – кто) меня усиленно раскручивает – и по ТВ, и в газетёнках. Табель о рангах неприметно перевернулась, ведь раньше как было: тайный советник – Ашот, действительный статский – Рогачёв, далее Скрёбов, Долинский, Халупский, Аршак <...>, а «не имеющие чина» (по Чехову) – твой покорный слуга. Ну да чёрт с ним, это не имеет ни малейшего значения. Да, ещё, один мой новый приятель – проф<ессор> журфака [Александр] Акопов, интеллигентный миляга, взялся бесплатно набрать на компьютере и вывести на дискету мой однотомичник страниц на 200. Впрочем, на этом всё и закончится, т. к. деньги типография требует всё равно огромные...7-й № «Знамени»⁵² недавно полу-

⁵¹ Книга Л. Г.: Вечернее чудо. Стихи разных лет. Ереван: «Советакан грох», 1988.

⁵² С публикацией рассказов А. Камю в переводе Л. Г.

чил (а с ним и миллион), но Серёжа [Чупринин] по необходимости оставил всего два рассказика, самые скучные, даже перечесть не смог. Зато из-за бугра получил я номер «Нового журнала» (Нью-Йорк, редактор Вадим Крейд) с четырьмя своими стихами. Но хватит об этом, а то подумаешь, что я на старости лет стал мегаломаном...

25.8.97

17

...в 10 № «НМ» я обнаружил рецензию какого-то Липневича на «Вниз по реке»⁵³. В общем-то она в критической своей части справедлива, хоть местами и зело обидна. Увы, автор воспользовался моей неосторожной фразой в предисловии, и вообще он скорее отрецензировал не книжку, а предисловие, подобрав подходящие цитаты⁵⁴. Впрочем, я приложу её – откуда у вас «НМ»? В «Знамени», по-видимому, будет рецензия Тани Бек (текст она мне прислала). Эта рецензийка куда приятственней, но, несомненно, кумовская и писана в знак дружбы. Но всего не расскажешь, посему на этом и закончу...

25. 11. 98

Рецензия поэтессы и критика Татьяны Бек (1949–2005) «Надежда на участь зерна» появилась в № 11 «Знамени» за 1999 г. Прочитывая приведённый выше пассаж из предисловия Л. Г., (см. прим. 54 – Г. К.). Бек пишет: «Позволю себе поверить не вполне. Уровень мастерства и поэтической культуры в поэзии Григорьяна таков, что о дилетантизме (а ещё в стихах он любит аттестовать себя как *рифмача* или *зажившегося стихоплёта*) не может быть и речи: свежие созвучья, плотный (полуиронический) сплав латинизмов и то жаргонно просторечных, то глубинных далевских словечек, ритмическое разнообразие – всё это предстаёт именно школой высокого класса. Думаю, что термином “дилетантизм” Григорьян отгораживается от профессионально официозной советской поэзии как кормушки. Да, он никогда не работал в этой артели». Приведу здесь и начало этой важной рецензии: «...замечательный лирик из города Ростова <...> вначале больше был славен как переводчик Сартра и Камю. В “Новом мире” 69-го года была напечатана его блистательная русская версия повести “Падение”, в которой голоса автора, героя и переводчика вдохновенно и трагически сливались вместе. Я тогда Григорьяна не знала (позднее мы крепко сдружились, и вот уже лет двадцать пребываем в полемически весёлой переписке), но интуитивно сразу же раскусила, что переводчик тут не просто “почтовая лошадь”, а ярчайшая и чудная (ударение – на оба слога!) лич-

⁵³ Сборник стихов Л. Г., изданный в Москве в 1998 г.

⁵⁴ Приняв за чистую монету его слова «профессиональным поэтом я себя не считал и не считаю. Стихи мои более или менее профессиональный дилетантизм», Валерий Липневич посвятил рецензию доказательству тезиса, мол, автор книги – дилетант.

ность, верхом летающая на своём личном Пегасе. Позднее догадка эта подтвердилась не только при чтении оригинальных стихотворений Григоряна, но и – его ороднённых интерпретаций армянской поэзии».

18

...Страшно рад, что мы с тобой повидались, если б выпала ещё хоть одна такая оказия. Внезапно меня снова навесил Вардван Варжапетян⁵⁵, два дня прожил у меня. Симпатяга! Подарил мне свой роман о Вийоне, есть у него и роман об Овидии (и повесть о Григоре Нарекаци. – Г. К.). Любопытная деталь: по утрам он читает вслух несколько страниц Торы по-арамейски, потом то же по-русски <...> Вегетарианец, но выпить не дурак...

22.04.02

19

Недавно Вардван прислал мне свой перевод Екклезиаста – неплохо, но как-то бессмысленно. Синодальный да и Дьяконовский⁵⁶ переводы посильнее. Но согласись, предмет его занятий внушает уважение. С [Владимиром] Леоновичем я лично не знаком. Когда-то познакомившаяся с ним Марлена⁵⁷ уговорила меня послать ему, кажется, «Вечернее чудо». К стихам его я тоже отношусь прохладно, но поэт он незасвищенный и лексически богатый, а человек, как все говорят, прекрасный. Когда-то в «Воплях» его, меня и Чухонцева (!) выделил и похвалил польский славист Дравич. Видимо, по каким-то журнальным подборкам. К тому же он близко дружил с [Игорем] Дедковым. Мы перекинулись парочкой писем. Человек он очень порядочный, очень верующий, кто-то (Таня Бек?) рассказал мне, что он собственноручно воздвиг где-то на Севере церковку. К моему удивлению, он тогда же тиснул в «ДН» хвалебную, но очень уж кудрявую рецензию на «ВЧ». А до этого любил я его за потрясающие переводы из Галактиона Табидзе («Боже мой, какая мука, блажь какая и блаженство» и др.). Но потом мне случайно (не от тебя ли?) попала в руки книга подстрочников из Галактиона, и я был поражён удивительной отсебятиной (особенно у Леоновича и Беллы). Даже я себе такого не позволял. Но не буду больше злословить – человек он, видимо, прекрасный.

И рад, и беспокоюсь в связи с твоим «терроризмом» в «ДН»⁵⁸. Выйдет – пришли хоть ксерокс.

28.09.2002

⁵⁵ В. Варжапетян – прозаик. В одиночку издавал армяно-еврейский вестник «Ной», в сущности, полноценный журнал (1992–1997; вышло 20 номеров), осуществил новый перевод на русский язык Ветхого завета.

⁵⁶ Имеется в виду И. Дьяконов (1915–1999) – историк-востоковед, лингвист, автор многих трудов, в т. ч. «Предыстории армянского народа».

⁵⁷ М. Рахлина (1925–2010) – поэтесса, жила в Харькове.

⁵⁸ Речь о моей книжке «Благие намерения. Очерки терроризма, в основном армянского». Журнальный её вариант совсем было собрались печатать в «ДН», но передумали.

Из книги Л. Григорьяна «Вечернее чудо»:

ЧИТАЯ НАРЕКАЦИ

*Как долго этот крик во тьме носило,
Пока не разнесло во все концы.
О родина забытая, спасибо
За то, что был Григор Нарекаци.
За то, что был горяч и безутешен,
За то, что высь была к нему глуха,
За то, что был безжалостно замешен
На персти первородного греха.*

*Его тоски невыносимая новость
Раскалывает чёрствый материк,
Всего страшней безвинная виновность,
Не ждущая суда и улик.
Взыскует совесть, алчная истица,
И застит безучастный окоём.
Кричит Иов и скорбно совестится
На вековечном гноище своём.*

Приведём также фрагмент из предпосланного этой книге предисловия Сергея Чупринина под названием «Неубывающий свет»:

«...прежде всего и больше всего в стихах виден сам Леонид Григорьян, похожий “на тысячи других”, как он сам воскликнул однажды в полемическом азарте, и всё-таки похожий только на себя одного – немало натерпевшегося в этой жизни, многое прочитавшего и о многом задумавшегося русского интеллигента, который рос вместе со временем, а порою и вопреки времени, если вспомнить, что мальчишкой он пережил войну, оккупацию, гибель близких, а юношей отнюдь не только по газетам и книжкам узнал, что такое диктатура тупой, бездушной и злобной бюрократии.

Степень авторской откровенности и авторской безжалостности к себе иногда обезоруживает <...> Впрочем, такое тоже ведь в отечественной традиции – судя эпоху, ведя споры со временем, и себе самому не давая спуска <...> С такой едва не детской душевной раскрытостью, с такой духовной независимостью жить и писать трудно всегда, но особенно в годы общественного застоя, безгласности, тиранически навязанного единомыслия»⁵⁹.

⁵⁹ С. Чупринин. Неубывающий свет // Л. Григорьян. Вечернее чудо. Стихи разных лет. Ер.: «Советакан грох», 1988, с. 5-7.

...Теперь о пустяках. Недавно на день приезжал ко мне «просто поболтать» милейший Вардван Варжапетян (а мы-то и виделись до этого с ним всего раз), он тебя всячески расхваливал за твою рецензию и вообще. Тесен мир <...> Позавчера неожиданно позвонил мне... [Леонид] Теракопян из «ДН» и попросил переводы из Размика [Давояна]. А я куда-то посеял то, что в своё время не успел напечатать <...> Это всё надо для 1-го «армянского» номера «ДН». Что ещё? Прислали неведомую мне книгу – Лосиевский, «Анна всей Руси» (натурально, об Ахматовой), вышедшую в харьковском изд-ве «ОКО» в... 97 году. Книга неплохая, хоть в ней и ничего нового, к ней приложен своего рода «Венок Ахматовой» (в 20-е годы была такая отдельная книжечка). Так вот, там, оказывается, кроме Гумилёва, Пастернака, Цветаевой, Петровых, Тарковского, Самойлова, Бродского, есть и мелюзга, в том числе я... А я об этой книжке и слыхом не слыхал, а стишок свой (слабейший) напечатал только в «Мчатся тучи»⁶⁰. Как он к ним попал? Может через Марлену или тогда ещё живого Чичибабина? Прости за сумбурность этого письма.

18.08.2004

Из посвящённого Ахматовой стихотворения «5 марта 1966 года» (День смерти А. А. Ахматовой – Г. К.):

*...Когда, томясь в бреду больном,
Страна уже почти безумна,
Когда ночами под окном
«Маруськи» шастают бесшумно –
Откуда силы отыскать,
Чтоб не согнуться перед плетью,
Чтобы по-прежнему сверкать
И расцветать назло столетью?
А Ты умела, как никто,
Вобрав в себя все воды, земли,
Прорваться непокорным стеблем
Сквозь многослойное плато,
Жить в грохоте, дышать в дыму,
Тянуться трепетно и сиром...
В миру не знающая мира,
Мир праху Твоему!*

Жора, дружище!

Ещё раз поздравляю тебя от души с изданием внушительного тома твоих статей и заметок. Книга получилась замечательная, а исследование «От слова до слова», несомненно, ценный вклад в мандельштамоведение

⁶⁰ Сборник стихов и переводов Л. Г. (Ростов-на-Дону: «Личный интерес», 1993).

и, надеюсь, не останется незамеченным. Кажется, ОЭ [Мандельштам] сказал Ахматовой, что свои работы о Пушкине она построила так точно и логично, как доказывают теоремы. То же применимо и к твоей работе. Жаль, что в книге не нашлось места для давней твоей статье о Мандельштаме (ЛА, 74 г.). Впрочем, ты её, по-моему, частично использовал в новой работе. Отменно хороши и заметки твои о Белле, Самойлове, Левитанском, Гарковском, Слуцком, Карабчиевском и всех прочих. Статья о ляпах в мерзкой «ЛГ», за которую Ю. Поляков возненавидел Чупринина ещё пуще⁶¹. Особое спасибо за рецензию на «Вечернее чудо», о которой я, если не ошибаюсь, доселе не знал. Али просто – по нынешней своей склеротичности – запамятовал о ней⁶². И за двукратное (или даже трёхкратное) цитирование моих виршей. Хотя, честно говоря, ты это сделал из дружества. Да, что меня ещё порадовало – полное отсутствие псевдонаучного жаргона, коим сейчас щеголяют почти все напропалую. В частности, в опусах, посвящённых Бродскому (мне как раз недавно добыли толстенный том «Иосиф Бродский: стратегии чтения» (М. изд. Ипполитова, 2005); многие статьи в нём потруднее самого Бродского: схемы, диаграммы, семиотические подсчёты, цитаты из [Жака] Дерриды, [Жака] Лакана и проч. Тот случай, когда алгеброй не поверяют, а уничтожают гармонию. Твой анализ от всей этой изысканной трахимуды свободен. Эх, умел бы я писать толковые рецензии... Советую тебе раскошелиться и послать книгу Серёже [Чупринину], а может, и, допустим, [Ирине] Роднянской. Или в «ДН»... Тебе бы добрый отклик не помешал <...> По-моему, прекрасно переведён тобой [Рубен] Севак (и издан потрясающе!). Сразу веришь, что это не пересказ, а оптимальный перевод. Представляю, как ты с ним намучился...

12.06.05

Из рецензии на кн. «Вечернее чудо» (первоначально напечатанной в «Новом мире» – Г. К.)

«Трезвость взгляда неизбежно требует: выбирай! Или – или. Сознавая, что к чему на грешной этой земле, можно приспособиться и подловчиться – тому несть числа примеров, – а можно жёстко определить для себя нравственный кодекс, в котором, как у Григорьяна, на первое место выходит одиннадцатая заповедь: не предавай! <...> Не предавай, когда изменить принципам уже не считают зазорным, храни внутреннюю обособленность и свободу, лелей и оберегай её, тверди про себя: “Стыдно, оттого что стадно”.

“Вечернее чудо” рисует нам облик скромного и улыбчивого ростов-

⁶¹ Речь о моей книге «Ворованный воздух». Статья «Козлы и козлища. Заметки иностранца» первоначально была напечатана в журнале «Знамя». Юрий Поляков – в то время главный редактор «Литературной газеты».

⁶² Скорее последнее, чем первое. Первоначально рецензия печаталась в «Новом мире», и Л. Г. не мог её не видеть.

чанина, тянущегося к армянским корням и дорожащего российским – не кровным, а духовным – родством, человека мягкого и уступчивого, но не способного поступиться, когда доходит до выбора, честью и готового заплатить за свой выбор любую цену. При этом его готовность не подсознательна, не интуитивна, но давно и до конца осмыслена. “Я знаю, – говорит он, и пауза между соседними строками исполнена убеждённости и потому весома, – за что собою заплачу”⁶³.

22

На сей раз шлю тебе эпистолу, так сказать, деловую. В Ростове одна бизнес-вумен, моя старая приятельница, дама весьма практичная, занялась издательским делом и уже выпустила с десяток книг, в основном сочинённых ею самой или её супругом. Так вот, недавно она вознамерилась выпустить шикарный том на русском, английском и армянском языках с роскошными фотографиями персонажей под названием «Армяне на Дону». Не думай, что там будут Сарьян, Берберова или хотя бы Мариэтта [Шагинян]. Будут там армяне-бизнесмены, армяне-чиновники и прочие хозяева жизни. С каждого (видимо, исключая чиновников) она собрала, кажется, по 5 тыщ. Но приличия ради будут в книге-альбоме мелькать и врачи, адвокаты, художники. Будут и писаки, но, кажется, я один. Представляю ярость Е. или там Аршака. Денег с меня она не возьмёт, да я бы их и не дал...

10.03.2006

23

...Получил от изд. «АСТ» договор на перепечатку «Стены» Сартра и ещё четырёх новелл (в Дианином и моём переводе), они в своё время были в «ЛА» и «Доне», через пару месяцев получим с Д. ещё тыщи по три с половиной. Фортуна! Впервые в жизни чувствую себя рантье. Увы, пропали ещё штук пять детективов, а та же издательница готова их тиснуть. (Хотя один из них, кажется, сохранился.) Всё это было переведено лет 20 тому назад. Поистине «жить в России надо долго...» А так всё по-прежнему, хоть и не скажешь, что здоровы.

24.03.2007

ԳԵՈՐԳԻ ԿՈՒԲԱՏՅԱՆ – Հեռնիդ Գրիգորյանի նամակները – Լ. Գրիգորյանը (1929–2010) ծնվել է Դոնի Ռոստովում և ամբողջ կյանքն ապրել է այդ քաղաքում: Նա հայտնի է որպես մեկուկես տասնյակից ավելի չափածո ժողովածուների հեղինակ, ինչպես նաև հայ պոեզիայի և ֆրանսիական արձակի թարգմանիչ: Նրա բանաստեղծությունները պարբերաբար տպագրվել են այնպիսի հանրահայտ ամսագրերում, ինչպիսիք են «Նովիյ միրը», «Զնամյան», «Զվեզդան» և այլն, իսկ նրա ժողովածուները գրախոսել են առաջատար ռուս

⁶³ Г. Кубатьян. Ворованный воздух. Статьи и заметки. Ер.: Издательство РАУ. 2005, с. 236.

գրաքննադատներ: Լ. Գրիգորյանը թարգմանել է Ռ. Դավոյանի, Գ. Էմինի, Ն.Շիրազի, ինչպես նաև ֆրանսագիր մեր հայրենակիցներ Արմեն Լյուբենի և Վահե Գողելի ստեղծագործությունները: Մոսկովյան ամսագրերում և առանձին գրքերով նրա թարգմանությամբ հրատարակվել են Ա. Կամյուի և Ժ.Պ.Սարտրի պատմվածքները, վեպերը, պիեսները, ինչպես նաև Վահե Քաչայի «Դաշույնը այգում» վեպը, որը նվիրված է Հայոց եղեռնին:

Իր երևանցի ընկեր Գեորգի Կուբատյանին Լ. Գրիգորյանի հղած նամակներում, որ պարունակում են մի շարք ինքնատիպ մտքեր ու գնահատականներ, բացահայտվում են նրա գրական կենսագրության որոշ հանգամանքներ:

GEORGI KUBATIAN – Leonid Grigorian’s Letters. – Leonid Grigorian (1929-2010) is a poet and translator of Armenian poetry and French prose. He was born in Rostov-on-Don and lived in this city all his life. His poems were regularly published in popular magazines "Novy mir", "Znamya", "Zvezda" etc., reviews on his books were written by leading Russian critics. L. Grigorian translated (from the interlinear translation) the poems of Armenian poets, including R. Davoyan, G. Emin and H. Shiraz, as well as our French-writing compatriots Armen Lubin and Vahé Godel. The stories, novels and dramas of A. Camus and J. P. Sartre, as well as Vahé Katcha's novel "Dagger in the Garden", dedicated to the Armenian genocide, were published in magazines and books. The letters to his Yerevan friend Georgi Koubatian describe some of the circumstances of his literary biography, contain a number of original thoughts and appraisals.